

ФРАНК ПЕРETTI

ПРОРОК

Р О М А Н

Санкт-Петербург
2009

PROPHET

by Frank E. Peretti

© 1992 by Frank E. Peretti

Published by Crossway Books, a division of Good News Publishers

1300 Crescent Street, Wheaton, Illinois 60187

ISBN 0-89107-618-2

Перетти Ф.

Пророк / Пер. с англ. — СПб.: МРО ХВЕП «Христианская Миссия», 2009. — 608 с.
ISBN 978-5-8445-0212-5

© Издание на русском языке. Издательский Дом «Христофор», 2009.

Все права защищены международным законодательством об авторских правах.

Ответственный редактор *А. И. Шапошиников*

Переводчик *М. В. Куренная*

Редактор *В. С. Волкова*

Корректоры: *Д. Г. Вдовин, Н. А. Акинина*

Компьютерная верстка: *А. Б. Кодак*

Издательская лицензия ЛР 030808 от 25.02.98.

Подписано к печати 11.01.2009. Формат 60×88^{1/16}.

Печать офсетная. Объем 38 печ. л.

Тираж 3000 экз. Заказ

Местная Религиозная Организация Христиан

Веры Евангельской Пятидесятников «Христианская Миссия»

198188, Санкт-Петербург, ул. Подводника Кузьмина, д. 46

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции

ОК 005-93. Код ОКП 953140

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Дом печати — Вятка».

610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

*Яну и Лэйн,
профокам от Бога*

Благодарность

Хочу отдать долг благодарности многим прекрасным людям, чей бесценный жизненный опыт, содействие и советы помогли созданию этого произведения:

Сузан, ведущей телевизионной программы, которая позволила мне неотлучно следить за ней в течение рабочего дня и таким образом получить исчерпывающее представление о ее работе; Нику, мастеру на все руки, который во всем помогал мне и отредактировал сотни страниц; Кевину, репортеру, и Джону, оператору, которые брали меня с собой на задания и со всей откровенностью делились своими планами; старине Роджеру, адвокату, который помог мне не с одной книгой и всегда объяснял все самым доступным образом; Бобу, врачу, который консультировал меня по всем медицинским вопросам, затронутым в книге, и также отредактировал сотни страниц; Фрэнку, потрясающему полицейскому, который всегда с готовностью откликался на все мои просьбы; Дане и Джо, двум работникам службы спасения, которые посвятили меня в тонкости своей профессии; Кэрол, «женщине в красном», которая досконально знает индустрию производства абортот; Рэнди и ее подружкам, которые поделились со мной сокровенными печальями и помогли понять чувства и переживания женщин, сделавших аборт.

Друзья мои, вы можете поставить себе в заслугу все достоинства этой книги, — а вину за все ее недостатки я беру на себя.

Спасибо вам.

Джон Баррет впервые услышал голос Господа в возрасте десяти лет. Много лет спустя он будет все так же ясно помнить то вечернее воскресное собрание в церкви «Рэйниерской Скинии Евангелия», проходившее в душном и жарком помещении в самой середине знойного лета. Прозвучал призыв подойти к алтарю, праведники молились и прославляли Господа, и то было не тихое поклонение верующих, исследующих внутренним взором свою душу, но исполненное страсти действо, во время которого люди запрокидывали головы и громко зывали к Небесам, женщины рыдали, мужчины кричали, а пианино продолжало играть снова и снова мелодию гимна «Господь, я отдаю себя Тебе, Господь, я отдаю себя Тебе»...

Молодой и пылкий пастор Томпсон произнес проповедь, тронувшую Джона до глубины души. И когда прозвучал призыв к покаянию и пастор Томпсон сказал: «Если вы вняли этому слову, если Господь говорит с вашими сердцами, я призываю вас выйти вперед и принести всю вашу жизнь на алтарь...» — Джон понял, что Бог говорит с ним, и торопливо пошел вперед, почти побежал, чтобы преклонить колени у той длинной алтарной скамьи красного дерева — с горящим, залитым слезами лицом.

— Узрите Агнца Божьего, Который взял на себя грехи мира! — процитировал пастор Томпсон Священное Писание. — Примете ли вы Агнца сегодня? Встретите ли Иисуса?

Джон был готов принять Агнца, готов принять Иисуса, и, призвав имя Господа, он даже увидел агнца — маленького, кроткого, ослепительно белого ягненка — прямо напротив, по другую сторону алтарной скамьи, так близко, что мог дотронуться до его носа, протянув руку. Позже Джону сказали, что это было видение, но в тот момент он думал, что в церкви действительно находится агнец, реальный, как и все остальное. Агнец Божий, как сказал пастор Томпсон. Он казался таким реальным много лет назад. Тот момент по-настоящему потряс душу мальчика.

Но тот момент — со всеми пробужденными им чувствами, со всеми открывшимися смыслами, со всеми запредельными, вечными словами

и даже этим кратким видением — со временем померкнет в памяти, и Джон в конце концов задвинет его в глухой, заброшенный уголок сознания.

Он забудет, что некогда отдал свою жизнь Господу, что еще маленьким мальчиком заключил с ним завет: «Иисус, приди в мое сердце и сними с меня все грехи. Господь, я отдаю тебе свою жизнь. Располагай мною, Господь. Я принадлежу Тебе».

Потускнеет со временем, вытеснится честолюбивыми взрослыми устремлениями воспоминание о лежащей на его плече руке отца и словах, которые отец пророческим тоном громко произнес в детское ухо, словно Сам Бог: «Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя и призвал тебя на служение. Ходи в Моем Слове. Слушай Мой голос, ибо Я поведу тебя и поставлю тебя на путь, по которому тебе идти, и вот Я всегда с тобой».

Джон не пожелает помнить. Хорошие слова, полезные слова: «И се, Я с вами во все дни до скончания века» Джон не запомнит.

Но Господь помнил.

— Губернатор, я прошу вас, обратитесь к своему сердцу и измените свою политику, ибо если вы не сделаете этого, Господь сделает это за вас. И хотя вы говорите себе: «Никто ничего не видит, и никто ничего не слышит», — Бог видит и слышит все: все, что вы говорите в сердце своем, все, что вы шепчете, все, что вы обсуждаете при закрытых дверях. Ничто не остается сокрытым от глаз Того, Кто видит все!

Была первая пятница после Дня труда — все еще солнечный, все еще летний день только начинал клониться к закату, и тени только начинали удлиняться. Сторонники кандидата выходили из домов, покидали рабочие места и школы, заканчивали ранние обеды и радостно-возбужденными толпами стекались на городскую площадь Флагов — на митинг, открывавший предвыборную кампанию губернатора Хирама Слэйтера. «Ура, Хирам!» — соломенные шляпы с такой надписью в великом множестве уже плавали над площадью, словно листья на глади озера. Перед задником площади, образованным пятьюдесятью флагштоками с флагами штатов, был возведен помост, задрапированный голубым полотном, украшенный гирляндами белых, синих и красных воздушных шаров попеременно с американскими флагами, аккуратно заставленный рядами складных кресел и украшенный хризантемами в горшках, обилие которых сделало бы честь любой оранжерее. Скоро начнется митинг, и губернатор Слэйтер произнесет речь, первую речь в предвыборной кампании.

Но прибывавшие на площадь люди обнаруживали, что некий коренастый седовласый мужчина, стоящий на бетонном бортике клумбы с примулами и заметно возвышающийся над толпой, уже произносит речь. Не важно, слышал ли его сейчас губернатор, но этот мужчина собирался до него докричаться голосом, в котором явственно звучали боль и отчаяние.

— Подобно древнему царю Навуходоносор, вы создали свой образ, призванный увлекать за собой людей: возвышенный образ, могучий образ, великий образ — куда более великий, чем вы сами. Но прошу вас, остерегайтесь: Господь напомним вам, что вы не есть этот образ. И хотя

вы можете сказать: «Я могуч и непобедим, я возвышаюсь над толпой, меня невозможно задеть или уязвить», — на самом деле вы слабы, как любой другой человек, не застрахованный от беды, не застрахованный от поражения!

— Почему бы тебе просто не заткнуться, болтун? — крикнул оплывший от пива подрядчик, проходивший мимо.

— Истину должно доносить до людей, даже оглушенных вопиющей ложью, — отвечивал мужчина.

— Опять он! — возмущенно проворчала мамаша с выводком из четверых детей.

— А ну слезайте с клумбы! — приказал торговый агент в деловом костюме. — Вам здесь нечего делать!

Редактор радикального феминистского журнала откликнулась призывом:

— Ура, Хирам!

Находившиеся поблизости люди подхватили призыв и принялись скандировать все громче и громче, исключительно назло выступавшему:

— Ура, Хирам! Ура, Хирам!

Они больно задели его. Он обвел их лица взглядом, исполненным страдания, и умоляющим голосом сказал:

— Господь пребывает в Своем святом храме. Да смолкнут перед Ним все смертные!

Над гулом толпы явственно поднялись голоса, откликнувшиеся в комичном ужасе:

— О-о-о-о-о!

— Наш Господь пребывает там, вечно Сущий и скорбящий о наших грехах! Он говорит, и мы должны молчать и слушать:

— Ура, Хирам! Ура, Хирам!

За помостом, скрытый от взглядов голубыми занавесями, губернатор Хирам Слэйтер — маленький, лысоватый человек с маловыразительным тонким голосом — отдавал последние распоряжения организаторам митинга.

— Полчаса, — сказал он. — Мне нужно полчаса, даже если вам придется вырезать что-то из программы.

Вилма Бентхофф, главный организатор предвыборной кампании губернатора, а в настоящее время главный организатор митинга, откинула назад круто выходящие светлые локоны, падавшие на глаза, и заглянула в свой планшет.

— О'кей, мы исполним государственный гимн, а потом Марв даст слово нашим знаменитостям. Марв! — Марв не услышал оклика, он отдавал распоряжения фотографам и одновременно привязывал воздушные шары к ведущей на платформу лестнице. — МАРВ!

Он поднял глаза.

— Губернатору потребуется больше времени, так что нужно сократить вступительные речи!

Марв кивнул и что-то ответил, но слова его потонули в шуме. Бентхофф продолжила:

— Потом заиграет оркестр... э-э... Джойс, сколько песен собирается исполнить оркестр? — Джойс ее не слышала, она стояла рядом с тромбонистом, репетируя с ним его партию. — О, ладно! Мы выбросим один номер. Я ей скажу.

На плечо губернатора опустилась чья-то рука. Это был Мартин Дэвин из штата его администрации, претендент на должность главы этой администрации. Высокий мужчина, бывший защитник университетской футбольной команды, довольно улыбался:

— Наш старый друг-пророк явился.

Губернатор ухмыльнулся и покачал головой:

— Неотвратим, как солнце поутру. — Он чуть раздвинул занавеси, как раз настолько, чтобы увидеть голову пожилого мужчины над толпой. — Интересно, что чувствует сейчас его сын?

— Особенно когда этот скандальный эпизод попадет в его передачу новостей! Я пригласил свою хорошую знакомую с Шестого канала, они уже настраивают телекамеру. Хотят снять это.

Лицо губернатора просветлело:

— Ты всегда обо всем думаешь, Мартин, всегда обо всем думаешь!

Дэвин кивнул, принимая комплимент:

— Таким образом, нам может представиться удобный случай...

Лесли Олбрайт, репортер Шестого канала, аккуратно вставила в ухо головку передатчика, а потом нашла и взяла в личное пользование один квадратный фут поверхности земли, в то время как Мэл, длинноволо-

рый оператор, фокусировал телекамеру на ее лице. Можно было найти более удобные точки для съемки, откуда открывался хороший вид на площадь, с лучшим задним планом, но приказ есть приказ. Когда-нибудь Лесли уйдет от Тины Льюис.

— Джон, именно здесь начинается предвыборная кампания губернатора Хирама Слэйтера... — начала она репетировать профессиональным голосом репортера программы новостей. — Не испугавшись соперничества с Бобом Уилсоном, выставившим свою кандидатуру...

В одной руке Лесли держала микрофон, в другой листочки с торопливо набросанным текстом, которые норовили вырваться из пальцев. Она попыталась пригладить растрепанные ветром светлые волосы, глядя на свое отражение в объективе телекамеры. Зеваки, толпившиеся за спиной Лесли, уже махали в камеру мамочкам.

— Не испугавшись количества голосов, отданных сопернику... Хотя Боб Уилсон... Хотя результаты голосования свидетельствуют об успешном продвижении Боба Уилсона... м-м-м... о том, что Боб Уилсон имеет сторонников...

— У нас около десяти минут, — протрещал голос в передатчике.

— Хорошо, — ответила Лесли и продолжала репетировать: — Губернатор доказал, что тоже имеет сторонников, как вы можете судить по огромной толпе за моей спиной... — А потом добавила саркастическим тоном, исключительно с целью выпустить пар: — ...которую вы рассмотрели бы гораздо лучше, если бы мы стояли наверху лестницы, а не внизу.

Лесли поправила красный пиджак и попыталась снова сосредоточиться на репортаже. Человек, стоявший на бортике клумбы позади нее, не особенно способствовал этому.

— Слово Божье гласит: «Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя!» — прокричал он.

«О, черт. Теперь он собирается порассуждать и на эту тему!»

— Мне это нравится, — сказала Тина Льюис, исполнительный директор программы новостей. Она находилась в аппаратной Шестого канала и знала, что репортаж обещает получиться интересным.

Над пультом, за которым сидели режиссер-постановщик, оператор и звукооператор, светились на стене мониторы, дававшие одновремен-

ное изображение разных событий, происходящих в разных местах; кадры сменялись с такой скоростью, что уследить за всем сразу было довольно трудно. Мониторы номер один, два и три передавали изображение с трех камер, расположенных в студии внизу; предварительный монитор устанавливал в рамку начальный кадр каждого следующего эпизода программы; основной монитор показывал кадры, которые сейчас видели телезрители на своих экранах; выпуск новостей Шестого канала, выходявший в семнадцать тридцать, продолжался, и телеведущие сообщали последние новости, сменявшие друг друга с такой скоростью, с какой проносятся мимо вагоны летящего на всех парах поезда.

— Камера Три, дайте Джона, — скомандовала оператор Сузан.

Третья камера дала крупный план. На мониторе номер три и на предварительном мониторе появилось изображение сидящего за столом в студии и смотрящего в камеру привлекательного мужчины лет сорока, телеведущего Джона Баррета.

— Врезку для телезрителей. — Камера немного передвинулась вправо. — Поехали. — Оператор пульта нажала на клавишу, и в верхнем правом углу экрана появилось забранное в рамку изображение красиво нарисованной пивной банки.

— Новые неприятности назревают для компании «Бэйли-Бир», — сказал Джон Баррет. — С тех пор как пивоваренный завод Бэйли в Тобиасе заключил контракт на переработку своих алюминиевых банок с Северо-Западной компанией...

— Дайте кассету 2. — На предварительном мониторе появился начальный кадр кассеты 2.

— ...участники движения за охрану окружающей среды рвут и мечут и поднимают настоящую бурю...

— Кассета 2, пуск. — Оператор нажал кнопку. Кассета номер 2 начала крутиться.

— ...которая может достичь своего апогея...

На предварительном мониторе, передававшем изображение с кассеты 2, начался обратный отсчет: три, два, один...

— ...репортаж Кена Дэвенпорта.

На основном мониторе пошла запись с кассеты 2: кадр с изображением пивоваренного завода. Внизу экрана появилась надпись «Пивоваренный завод Бэйли». За кадром зазвучал голос Кена Дэвенпорта.

— Члены правления пивоваренного завода Бэйли собрались сегодня на закрытое совещание, чтобы решить, какие действия будут предприняты, если вообще будут...

— Камера Два, дайте Эли Даунс.

На втором мониторе появилась Эли Даунс, вторая ведущая программы новостей, бывшая манекенщица с угольно-черными волосами и миндалевидными глазами, готовая начать следующее сообщение.

Черно-белый монитор под самым потолком показывал Лесли Олбрайт, стоявшую перед камерой с микрофоном, передатчиком в ухе и приглаженными волосами в ожидании своей очереди. За ее спиной разгорался шумный скандал.

— Поглядите-ка на это! — воскликнула Тина Льюис почти со страхом. — Нет, вы только поглядите на это!

— Вы закрываете глаза на массовое убийство, вы его оправдываете! Вы лишаете жизни невинные души! — кричал мужчина, стоявший на бортике клумбы. — Господь сотворил нас. Он вырастил нас в материнском чреве, и мы сотворены чудесным и непостижимым образом!

Некоторые в толпе только этого и ждали. Хирам Слэйтер был избранным губернатором, и здесь собрались его сторонники. Возмущение толпы становилось все громче.

— Ты явился не на тот митинг, приятель!

— Оставь в покое мое тело, фанатик!

— Эй, кто-нибудь, стащите его с клумбы!

И за всеми этими криками и угрозами толпа продолжала безостановочно кричать: «Ура, Хирам! Ура, Хирам!»

Лесли слышался какой-то вопрос, прозвучавший в наушнике. Она зажала рукой второе ухо.

— Повторите, пожалуйста.

Это был Раш Торранс, режиссер-постановщик программы новостей, выходившей в семнадцать тридцать.

— По сценарию Джон должен задать вопрос в заключение твоего репортажа.

— М-м-м... — Лесли оглянулась на толпу, негодование которой стремительно нарастало. — Ситуация здесь меняется довольно быстро. Возможно, он хочет задать мне вопрос по поводу аборт... вы знаете, как это повлияет на атмосферу митинга.

— Так... как ты хочешь, чтобы он сформулировал вопрос? Может быть... — Пожилой мужчина на бортике клумбы выкрикивал что-то, рев толпы заглушал его голос, и все вместе они заглушали голос Раша в наушнике.

— Извините, я вас не слышу!

— Я скажу, чтобы он задал тебе вопрос о самых последних событиях, идет? Он спросит, как все происходящее представляется глазам очевидца. Как ты собираешься закончить?

— М-м-м... Я закончу словами: «Эта предвыборная кампания обещает вылиться в захватывающую гонку для обоих кандидатов, и все начнется буквально через несколько минут».

— Хорошо. Все понял.

Лесли начинала нервничать, ожидая в любой миг получить тычок локтем под ребра или удар брошенной жестянкой по голове. Она спросила оператора Мэла:

— Может, нам немного передвинуться подальше отсюда?

— Нет, — сказала Тина Льюис. Здесь, в студии, они слышали все, что говорила Лесли. — Оставайся на месте. Мы все видим. Это впечатляет.

Раш Торранс передал распоряжение по рации.

На мониторе Лесли немного съезжилась, но осталась на прежнем месте, в то время как толпа за ее спиной становилась все гуще и гудела все громче. Многие угрожающе потрясали кулаками в воздухе.

Над толпой был отчетливо виден пожилой человек на клумбе, который отчаянно жестикулировал и кричал:

— Послушайте меня! Ни шумом, ни криками, ни числом сторонников, ни многократным повторением, ни телерепортажами не обратить ложь в правду!

Потом над толпой заплесало несколько плакатов с изображениями вешалок для одежды*.

Тина хихикнула:

— Они знают, что они в кадре.

— Скоро выйдешь в эфир, — сообщил Раш Лесли. — Оставайся на месте.

* Изображение вешалки используют на своих демонстрациях сторонники легальных абортот.

На экранах телевизоров по всему городу и за его пределами Эли Даунс заканчивала свой репортаж:

— Законодательные власти надеются, что принятые меры своевременно помогут уволенным с лесопильного завода рабочим, но сами рабочие говорят, что поверят в это, только когда это произойдет.

Средний план — Джон Баррет и Эли Даунс за длинным желто-черным столом в студии. В верхней части задника большими синими буквами написано: «Новости Шестого канала». В средней части задника размещаются фальшивые телевизионные экраны с неподвижными изображениями разных лиц, городских и промышленных пейзажей, титров. В левой части задника находится фальшивое окно, за которым виднеется фальшивое небо над городом.

Джон Баррет начал:

— Далее в программе: предвыборная кампания губернатора Хирама Слэйтера, вторично выставившего свою кандидатуру на этот пост, открывается сегодня общегородским митингом. Предлагаем вашему вниманию прямой репортаж с площади Флагов.

Эли закончила шуткой:

— А маленькие игуаны тоже выставляют свои кандидатуры? Смотрите сами!

На экране появилась шуточная заставка: ящерицы царапают и лизнут объектив телекамеры.

Блок рекламы.

— Хорошо, Лесли, — сказал Раш. — Через две минуты твой эфир.

Губернатор бегло просмотрел свои записи. Если события и дальше будут развиваться в том же направлении, ему придется немного изменить текст речи.

— Похоже, обстановка там накаляется, — со значением заметил он Мартину Дэвину.

Дэвин только что возвратился из разведки.

— Господин губернатор, у вас есть толпа сторонников, у вас есть телекамеры. Думаю, нам стоит воспользоваться случаем.

— Что у тебя на уме?

Дэвин понизил голос:

— Думаю, мы можем подлить немного масла в огонь. Таким образом мы возбудим толпу и превратим ее в ваших яростных сторонни-

ков, а кроме того, привлечем к вам дополнительное внимание телезрителей.

Губернатор взглянул на часы:

— Скоро шесть. Когда Шестой канал собирается дать сообщение о митинге?

Дэвин тоже взглянул на часы.

— С минуты на минуту. Думаю, они закончат идущий сейчас выпуск новостей прямым репортажем с площади, а потом вернутся к этим событиям в семичасовом выпуске.

Губернатор обдумал предложение помощника, потом улыбнулся.

— Хорошо. Я подготовлюсь.

Дэвин улыбнулся и торопливо отошел в сторону.

Укрывшись от взглядов за деревьями, он набрал номер на своем советском телефоне.

— Да, Вилли, он дал добро. — Он взглянул на часы. — Не своди глаз с этой светловолосой тележурналистки. Повсюду следуй за ней по пятам.

— Пятнадцать секунд, — сказала Марделл, привлекательная темнокожая женщина, стоявшая за телекамерами в студии. — Лесли будет справа от тебя.

Джон непроизвольно посмотрел направо. Телезрители увидят ведущих программы, которые смотрят на большой экран с изображением Лесли Олбрайт. В студии Джон и Эли будут смотреть в пустоту, делая вид, будто экран находится там.

Марделл начала обратный отсчет, молча выкидывая пальцы на поднятой руке. Пять, четыре, три, два, один...

В аппаратной изображение Лесли перепрыгнуло с черно-белого монитора на большой цветной предварительный монитор — и кадр получился поистине впечатляющим. Там стояла она — не в силах скрыть нервного напряжения, с растрепанными, несмотря на все ее усилия, волосами — и удерживала свою позицию, в то время как за ее спиной кипело и бурлило разъяренное людское море, посреди которого одинокий человек продолжал отчаянные попытки перекрыть возмущенный гам.

На основном мониторе Джон Баррет, глядя в третью камеру и считывая текст с экрана телевизионного суфлера, отраженного в зеркале над объективом камеры, предварил репортаж несколькими словами:

— Итак, сегодня — первый день предвыборной кампании губернатора Хирама Слэйтера, повторно выставившего свою кандидатуру на этот пост, и Лесли Олбрайт ведет прямой репортаж с площади Флагов, где проходит большой митинг, начинающий предвыборную гонку.

Джон и Эли одновременно повернули головы направо и посмотрели на пустую стену.

— Лесли?

Телезрители увидели Лесли на установленном на конце стола экране, с виду размером три на четыре фута.

Лесли посмотрела прямо в камеру и начала репортаж отрепетированными словами:

— Джон, именно здесь все начинается для губернатора Хирама Слэйтера. Хотя результаты голосования свидетельствуют о том, что у Боба Уилсона есть сторонники, губернатор доказал, что у него тоже есть сторонники, как вы можете судить по огромной толпе за моей спиной.

Когда телезрители дома увидели, как изображение Лесли исчезло с маленького экрана (отсутствующего в студии) и заняло весь телевизионный экран, они не вполне поняли, о чем еще можно судить по той огромной толпе, кроме как о назревающей заварушке.

Но когда Джон искоса взглянул на свой собственный монитор, встроенный в крышку стола, его внимание привлек одинокий старик, возвышающийся над людским морем, беззвучно открывающий рот, яростно жестикулирующий. Он казался вождем, увлекающим за собой толпу.

— Пускаем кассету номер один, — сказала выпускающий оператор Сузан, и в эфир пошел ранее записанный видеорепортаж Лесли, сопровождаемый ее голосом.

Изображение на экране. Губернатор встречается с народом, пожмает руки, машет толпе.

Голос Лесли за кадром: «Губернатор Слэйтер признает, что это будет трудная кампания, но он готов к бою и настроен самым решительным образом».

Изображение на экране. Губернатор дает интервью.

Включение звука. Губернатор: «Думаю, у нас есть серьезная фора в начале гонки. Последние четыре года ясно свидетельствуют о наших достижениях, и я настаиваю на этом факте. Мы добились значительного прогресса в области образования, трудоустройства и защиты прав женщин, и мы собираемся продолжать работу в этих направлениях».

Лицо Джона краснело все больше, и румянец уже проступал даже сквозь слой грима. Он следил за кадрами прямой трансляции на мониторе, принимающем видеосигнал с телекамеры Мэла, но при этом все время смотрел на возмутителя спокойствия, возвышающегося над толпой. Изображение шло без звука, но Джон без труда мог представить, что именно кричит старик. Он не рискнул выругаться — возможно, его микрофон был включен. По крайней мере репортаж Лесли все еще продолжался, и люди не видели того, что видел сейчас Джон.

Лесли пригнула голову и оглянулась, пока шел ее видеорепортаж. Она пыталась расслышать в наушнике свою следующую реплику.

Толпа начала скандировать: «Хватит врать, хватит врать — тебе на женщин наплевать!»

Джон схватил трубку телефона, соединенного с аппаратной:

— Мы можем убрать с экрана эти кадры? Раш? Ты меня слышишь?

Ответа не последовало. Лесли собиралась снова выходить в эфир.

Оператор Мэл яростно закивал:

— Да! Ты в эфире, ты в эфире!

Лесли выпрямилась, сжала микрофон в дрожащей руке и почти прокричала заключительную фразу репортажа:

— Итак, Джон и Эли, эта предвыборная кампания обещает вылиться в захватывающую гонку для обоих кандидатов, и все начнется... — Кто-то истошно завизжал. — ...и все начнется буквально через несколько минут!

Старик на бортике клумбы просто не поверил своим глазам. Внезапно, откуда ни возьмись, появились два совершенно не знакомых ему

человека — один с салными жидкими волосами, с проплешиной на макушке, другой темноволосый, грузный, покрытый татуировкой, — и принялись раздавать тумачи налево и направо, мужчинам, женщинам, всем подряд, — выступая в его защиту!

— Грязные детоубийцы! — выкрикнул один.

— Аллилуйя! — крикнул другой.

— Нет... нет! Остановитесь!

Слишком поздно. Некоторые в толпе перешли от криков к рукоприкладству.

— Нет! Это ничего не решит!..

Бац! Что-то — судя по звуку, пивная банка — отскочило от головы старика. Сразу несколько пар рук вцепились в его ноги. Он потерял равновесие, забалансировал на бортике клумбы.

Джон видел все происходящее на своем встроенном в стол мониторе, точно так же, как видел и каждый телезритель, смотрящий сейчас программу новостей. Джон произносил свой текст, но внезапно у него случился провал в памяти. Он опустил взгляд в свои записи и нашел вопрос, который должен был задать, вписанный в последнюю минуту.

— Э-э... Лесли... эта кампания... похоже, затрагивает множество самых животрепещущих вопросов... Как все происходящее представляется глазам очевидца?

Лесли хотела было сказать: «А как по-вашему?», но вместо этого просто ответила: «Полагаю, вы и сами все видите, Джон и Эли. И если вы не возражаете, мы передвинемся немного подальше отсюда, чтобы продолжать снимать с безопасного расстояния».

— Нет! — крикнула Тина Льюис. — Не теряй этот план!

— Оставайся на месте, — распорядился Раш по рации.

Лесли быстро шагнула в сторону и исчезла из кадра. Если она и услышала приказ, то никак не показала этого. Изображение на экране покачнулось, запрыгало, задрожало. Мэл с камерой отходил.

— Оставайся на месте! — приказала Тина. — Мэл, оставайся на месте!

Камера снова замерла неподвижно. Мэл поставил ее на треногу.

Лесли в кадре не было — только толпа, потасовка.

Режиссер Раш Торранс пролаял в микрофон приказ, вырывая и бросая на пол несколько страниц сценария.

— Выбрасываем четыреста восьмидесятый кадр, мальчик-пилот, и четыреста девяностый, бегущие ящерицы. Будем продолжать трансляцию.

— Какой кошмар! — простонал Джон.

Из-за клумбы в толпу прыгнул огромный темнокожий парень с горящими глазами.

— Хотите подраться? Я научу вас драться!

Он начал проталкиваться к двум наглым выскочкам, затеявшим потасовку. Он добрался до первого, скользкого типа с грязными волосами и проплешиной, и вывел его из строя одним сильным ударом справа. Верзила с татуировкой был более достойным соперником, и они оба повалились на землю, увлекая за собой еще нескольких человек.

Три здоровых спортсмена, студенты колледжа, наконец схватили старика и стащили с клумбы, больно заломив ему руки за спину.

— Давай, старик! Концерт окончен!

Лицо старика исказилось от боли и страха, когда они поволокли, почти понесли его прочь с площади: двое крепко держали его сзади, один тащил за волосы — так, что пророк беспомощно перебирал ногами, спотыкался и едва не падал, подавшись всем корпусом вперед и не в силах восстановить равновесие. Он закричал.

Внезапно темнокожий здоровяк прорвался сквозь толпу — это походило на эпизод свалки из напряженного бейсбольного матча, — расталкивая людей в стороны. Он обрушился всей своей тяжестью на двух парней, огромными ручищами схватил их за шиворот и с силой сдвинул их головы, словно две дыни. Парни обмякли и стали медленно оседать на землю, разжав пальцы. Третий мгновенно отпустил волосы старика и стал в боксерскую стойку с единственным желанием — защититься.

— Нет, Макс, не надо... — выкрикнул старик.

Но Макс схватил парня за волосы и со словами: «А тебе так понравится, сосунок?!» — швырнул его в толпу, раскидав в стороны нескольких человек, словно кегли.

Мэл продолжал снимать всю сцену, выхватывая камерой сцепившиеся тела, прыгающие над толпой плакаты с призывами «Да — легальным абортам!» и трепещущие на ветру американские флаги. Было непонятно, кто на чьей стороне и кто берет верх, но материал был потрясающим, вне всяких сомнений.

Джон не мог произнести ни слова, поэтому вступила Эли:

— Лесли? Лесли, ты еще с нами?

Голос Лесли раздался откуда-то из-за кадра в тот самый момент, когда камера поймала в кадр первую полицейскую машину, подъезжающую к месту событий.

— Да, Эли и Джон, мы сейчас находимся на безопасном расстоянии, и, как вы можете видеть, в дело вмешалась полиция, так что волнение очень скоро уляжется.

— С чего это все началось? — спросила Эли.

Джон знал, он никогда не задал бы такой вопрос.

— Ну... вероятно, вы видели того человека за заднем плане... который обращался к толпе...

— Да, и думаю, наши телезрители тоже видели.

— Очевидно, он выступает против абортов, а как всем нам известно, вопрос об абортах является одним из самых злободневных вопросов нынешней кампании — и думаю, именно это обстоятельство и послужило причиной довольно серьезных разногласий.

— Тридцать секунд. Заканчиваем, — послышался голос Раша в их наушниках.

Эли закончила фразой:

— Хорошо, оставайся на месте, Лесли, а мы узнаем от тебя новые подробности сегодня в семь часов. Будь осторожна.

— Да, я буду здесь, и мы будем внимательно следить за всем, что здесь будет происходить.

Джон с некоторым облегчением сказал, глядя во вторую камеру:

— На этом мы заканчиваем выпуск. Оставайтесь на канале Си-Би-Эс и смотрите вечерние новости в семь часов вечера.

— До встречи, — сказала Эли.

Музыкальная заставка. Общий план студии. Титры. Телеведущие перебрасываются неслышными зрителям фразами со спортивными ком-

ментаторами и дикторами из отдела метеосводок, собирая и перетасовывая страницы сценария. Реклама.

— Мэл, — сказала Тина Льюис, — ты слышишь меня?

— Да, мы по-прежнему на связи, — ответил голос Мэла, слегка звеневший от возбуждения.

— Держи кадр. Продолжай снимать. Часть материала мы дадим в семичасовом выпуске.

— О'кей.

Тина и Раш смотрели на монитор с кадрами прямой трансляции: Мэл снимал полицейских, которые схватили старика и его чернокожего друга и тащили их из толпы. Ноги старика даже не касались земли.

Пока полицейские волокли задержанных с площади, старик продолжал выговаривать своему другу:

— Макс, ты не должен был делать этого!

Макс кипел от негодования, обливался потом и был слишком зол, чтобы разговаривать. Он мог только проклинать старика, проклинать толпу и яростно вырываться из рук четырех полицейских — именно столько человек потребовалось, чтобы удержать его.

— Все в порядке, утомонись, — сказал один полицейский, поигрывая дубинкой.

Старик укоризненно сказал другу:

— Макс, ты должен подчиниться! Не надо усугублять ситуацию!

Макс пришел в чувство и неестественно быстро успокоился.

— Извините, офицер. Я не хотел неприятностей.

— Вы сейчас же уберетесь отсюда — или мы вас задержим, ясно?

— О, мы сию же минуту уйдем, — сказал старик.

— Ага, уже уходим.

На границе площади полицейские отпустили их, и они поспешили прочь, радуясь свободе.

Что же касается двух незнакомцев, которые первыми начали махать кулаками, то их и след простыл.

Мартин Дэвин сиял от удовольствия, когда докладывал губернатору:

— Видели бы вы это!

— Это попало в выпуск?

— Узнаем через минуту. Но оператор из кожи вон лез, чтобы все заснять.

— Отлично, сыграем на этом.

Камеры в студии были выключены, съемка закончилась. Эли и Джон вынули из ушей передатчики и отстегнули маленькие нагрудные микрофоны. Студия, отрезанная сейчас от внешнего мира, превратилась в маленькую, пустую каморку с фанерными стенами.

— Бедная Лесли, — сказала Эли. — Предполагалось, это будет легкое задание.

Джон, схвативший трубку телефона, даже не услышал ее.

— Раш? Раш? Дайте мне Раша, пожалуйста! — Он с грохотом швырнул трубку на рычаг. Очевидно, Раша не было поблизости.

Эли несколько мгновений внимательно смотрела на него.

— В чем дело?

Джон метнул на нее свирепый взгляд, сам того не желая. Но сейчас ему оставалось только метать свирепые взгляды.

— А!.. Эта... идиотская история... — Он схватил листки сценария и вышел из-за стола, скорее бормоча себе под нос, нежели отвечая на вопрос коллеги: — Из всех эпизодов, которые можно было транслировать, надо же было выбрать именно этот... и теперь все будут смотреть его снова и снова, пока он не утратит актуальность...

Джон обогнул фанерный задник студии и сразу оказался в отделе новостей — просторном, во весь этаж, зале, устланном серым ковровым покрытием и разделенном на крохотные кабинки, в каждой из которых находился стол, телефон и компьютер с монитором: здесь работали все репортеры, режиссеры, редакторы и телеведущие, отбирая, урезая и komponуя материал для ежедневных выпусков новостей.

Где же Раш? Где хоть кто-нибудь ответственный за случившееся?

В самом начале седьмого в отделе новостей царил относительное спокойствие. Программа, выходявшая в семнадцать тридцать, закончилась, и половина сотрудников разошлась по домам. Ответственный за семичасовой выпуск Пит Вудман уже отобрал материал для следующей программы, и сейчас пять его подчиненных сидели за своими столами, делая последние штрихи, дополняя сценарий, монтируя видеозаписи, пересматривая последовательность эпизодов.

О, вот и Раш. Сидит за своим столом в углу зала, проводит срочное непредвиденное совещание с Питом Вудманом по поводу сценария следующего выпуска. Вероятно, в связи с последними событиями. Черт. История с места набрала такие обороты, что теперь ее едва ли остановишь.

— Лесли сейчас на площади, — говорил Раш. — И у Мэла есть весь отснятый материал, если тебе нужно. Это потрясающий материал... смотрится просто здорово.

Пит изучал сценарий семичасовых новостей, водя по строчкам кончиком шариковой ручки.

— Я так понимаю, она сейчас снимает выступление губернатора. Я пушу это в начале программы.

Раш взглянул на часы:

— Он собирался начать через четверть часа. Хочет попасть в семичасовой выпуск, это я знаю. — Он поднял глаза. — Привет, Джон. Отличная работа.

— Привет...

Раш вернулся к разговору с Питом:

— Таким образом, Лесли будет постоянно держать вас в курсе.

— Хорошо. Билл ждет сообщений.

Значит, семичасовой выпуск даст обзор наиболее ярких моментов выступления губернатора. Несомненно, Лесли и Мэл постоянно транслируют происходящее на площади Биллу в монтажную. Билл, самый быстрый монтажер на студии, сейчас записывает все на видеопленку, а потом в сотрудничестве с одним из сценаристов выберет наиболее пикантные и интересные для слуха и зрения эпизоды, чтобы смонтировать их и сделать «гвоздем» семичасовой программы. И если он действительно хочет заручиться полным вниманием зрителей, то не найдет материала лучше, чем...

— Передайте Биллу запись той потасовки, — сказал Пит. — Это действительно даст представление о...

— Да, — закончил мысль Раш, — об остроте стоящих на повестке дня вопросов, о накаленной атмосфере кампании. Это именно то, что необходимо для освещения первого шага губернатора.

— И именно то, о чем я хотел бы поговорить с тобой, — вмешался Джон.

— Что?

— Этот материал, Раш. Я... я просто не уверен насчет него.

Раш — на вид практически мальчишка с вечно свисающей на лоб светлой прядью — обладал колоссальными способностями режиссера. Он мог сделать живую, захватывающую программу, мог состряпать сенсацию из ничего, мог изобретательно бросать вызов общественному мнению, преступая границы дозволенного. Но не мог одного: понимать, а тем более терпеть жалкие опасения и нерешительность местного «таланта».

— А какие, собственно, проблемы? — Раш говорил вежливо, но без всякого интереса.

Джон замаялся, пытаясь сформулировать ответ.

— Ну... это слишком грубо... в общем, мне кажется, это безвкусно.

— А мне кажется, эпизод имел место, — резко ответил Раш. — Эпизод имел место, и мы при этом присутствовали и таким образом получили интересный репортаж. Попробуй назови мне любую другую телестудию на этом рынке, к которой такой блестящий материал сам приплыл бы в руки.

«Ладно, — подумал Джон, — Я столь же невозмутим, как эти парни».

— Да, эта потасовка действительно блестящий материал. Но тот сумасшедший фанатик на заднем плане... вы постоянно снимали его, так ведь? Вы хотели, чтобы он находился на заднем плане?

Раш мгновенно сдал свои позиции и поднял руки.

— О'кей, о'кей... Дискуссия закончена... Никаких комментариев. Если у тебя какие-то проблемы с этим, поговори с Тиной. Я выполняю ее распоряжения. Мне понравилась идея в целом, и до сих пор нравится, и будет нравиться и впредь, но этот вопрос обсуждай с Тиной. Решай свои проблемы с ней.

И затем Раш вернулся к разговору с Питом, словно напрочь забыв о присутствии Джона.

Тина Льюис, деловая женщина в строгом костюме, сняла выполненные по индивидуальному заказу очки — при этом золотые браслеты на ее запястьях зазвенели — и уставилась на Джона недоверчивым взглядом.

— Джон, бросьте. У нас осталось сорок минут до семичасового выпуска, а вы сообщаете мне о своем желании изменить центральный репортаж программы?

— Ну... — Джон был расстроен и зол. За последнее время, всего каких-то несколько минут, его первоначальные претензии из, казалось бы, вполне законных превратились в глупые и совершенно дикие. — Я не имел представления о том, что Лесли собирается снимать. Если бы я знал, я высказался бы раньше, а теперь... конечно, слишком поздно, и мои чувства уже не имеют никакого значения, и... — Он вскинул руки, выражая покорность судьбе и повернулся, чтобы уйти из офиса Тины. — Мне нужно сделать анонс о следующем выпуске.

— Джон... — Она опустила в кресло и положила локти на стол. — Мне жаль, что эта ситуация причиняет вам неудобства. Но когда происходят интересные события, наш долг сообщать о них. Вы это прекрасно знаете.

Джон повернулся и сделал глубокий вдох-выдох, чтобы взять себя в руки. Потом произнес медленно и отчетливо:

— Тина, я работаю в агентстве новостей уже двадцать четыре года. Пожалуйста, не надо приводить мне эти доводы. Я слишком часто сам приводил их. И прекрасно все их знаю.

Теперь у них началось состязание: кто дольше останется сдержанным и полностью владеющим собой профессионалом.

Льюис заговорила медленно, нарочито ровным тоном:

— Я не собираюсь приводить вам подобные доводы, мистер Баррет. Я слегка разочарована тем обстоятельством, что человек с двадцатичетырехлетним опытом работы по-прежнему не в состоянии отделять профессиональные интересы от личных.

— Это вы решили поместить его на задний план, — безжизненным голосом сказал Джон. — Вы могли снимать трибуну, флаги на площади, любой задний план из множества возможных, но вы решили показать его. Ведь так?

Тина поморщилась и потрясла головой с таким видом, словно впервые в жизни столкнулась с такой непроходимой глупостью.

— Джон, меня там не было, и, насколько я знаю, он не приглашал нас и не говорил: «Послушайте, я собираюсь проповедовать толпе

неподалеку от въезда на Четвертую улицу, приходите и снимите меня для программы новостей!»

Джон наставил на Тину палец, каковой жест свидетельствовал о том, что он теряет самообладание:

— Вы находились в аппаратной. Вы давали указания оператору. Вы принимали решения.

Тина раздраженно вздохнула и сказала:

— Ладно. Вы оказались в неловкой ситуации. Это что, моя проблема? Или, может, это имеет хоть какое-то отношение к делу, которым мы занимаемся?

Взгляд Джона упал на настенные часы. Время, самый главный босс из всех существующих, приказывало ему уходить отсюда.

— Мне нужно сделать анонс.

Последнее слово осталось за Тиной:

— Мне жаль, что мы не можем разрешить ваши трудности. Но в самом деле это ваша проблема, и вы единственный человек, который в состоянии как-то разобраться с ней, и на вашем месте я бы занялась этим.

Джон просто повернулся и вышел из кабинета.

Он прошел в гримерную, чтобы взглянуть на свое лицо в большое зеркало. Грим все еще лежал хорошо со времени последнего выпуска. Подправить следовало выражение лица. «Ну давай, парень, расслабься. Кому приятно видеть такое?»

Вернувшись в отдел новостей, Джон снял пиджак и повесил его на крючок как раз в тот момент, когда Пит Вудман вручил ему текст рекламного объявления. Он бегло просмотрел его, присев на табурет, стоящий сразу за фанерным задником студии новостей. Именно отсюда велись все прямые репортажи из информационного отдела. Это была очень удобная съемочная площадка, практически телевизионная студия одного человека: телекамера с дистанционным управлением, несколько прожекторов, телевизионный суфлер с дистанционным управлением.

Джон взглянул на монитор и с помощью пульта дистанционного управления передвинул камеру чуть вверх. Теперь его изображение оказалось в центре экрана. Телевизионный суфлер перед камерой был настроен и готов к работе. Джон вставил в ухо передатчик, чтобы услышать команду из аппаратной.

О'кей. Основной монитор показывал заключительную часть вечерних новостей Си-Би-Эс. Потом последовали два анонса о программах канала.

— Пять секунд, — раздался в наушнике голос Пита Вудмана.

Контрольная фраза: «В эфире Си-Би-Эс».

— Два, один... Музыкальная заставка.

На экранах телевизоров города появился Джон в рубашке с короткими рукавами и распушенным узлом галстука — у него был такой вид, словно он только что оторвался от напряженной работы в отделе новостей, интерьер которого виднелся за его спиной. Внизу экрана появился титр: Джон Баррет, программа новостей Шестого канала.

Джон сразу заговорил, незаметно следя глазами за бегущим по телевизионному суфлеру текстом.

— Говорит Джон Баррет. Смотрите в семичасовом выпуске новостей подробный репортаж о начале предвыборной кампании губернатора Хирама Слэйтера...

Пошла видеозапись. Плавающие, прыгающие кадры со сценой потасовки. Старик пытается вырваться из рук своих противников, а потом падает с бортика клумбы в толпу.

— Губернатор настроен по-боевому... и бои уже начинаются. Мы дадим прямой репортаж с места событий в семичасовом выпуске.

На экране снова появился Джон.

— Кроме того, мы сообщим новые подробности о двух потерявшихся в горах школьников. Ребята пропали двадцать четыре часа назад, они ушли в одежде, не рассчитанной на непогоду, а в горах сейчас *непогода*. Эти и другие свежие новости смотрите сегодня вечером в семичасовом выпуске программы.

Рекламный ролик.

Так, с этим все. Двадцать пять секунд. Теперь остается прочитать предварительный сценарий семичасового выпуска и надеяться, что губернатор сказал в своем выступлении что-нибудь интересное, что снова привлекло бы внимание зрителей к нему и его предвыборной кампании.

— Губернатор настроен по-боевому, и бои уже начинаются, — саркастически повторил Джон, садясь за свой стол и вызывая текст сценария на монитор компьютера. — Я убью его.